

С. ГАРДЗОНИО

ОБ АВТОРСТВЕ ОДНОЙ ПЕСНИ XVIII ВЕКА.

Среди самых распространенных песен конца XVIII—начала XIX в. особая судьба выпала на долю романса «Ручеек», который регулярно публикуется среди сочинений И. И. Дмитриева, хотя и не принадлежит ему.

Как сообщает Г. П. Макогоненко, редактор последнего полного издания стихотворений И. И. Дмитриева в серии «Библиотека поэта», стихотворение «Ручеек» было напечатано впервые в 1794 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (ч. 1, с. 200) с подписью—въ. Приводим полный текст стихотворения:

Любовны утешенья
Минутами летят,
Любовные мученья
Веками тяготят.
Как был любим Анютой
У сих прозрачных вод,
Казался день минутой;
А ныне день, как год.
Уже ли позабыла,
Вдруг став ты жестока,
Что прежде говорила,
Сидев у ручейка?
«Ручей доколе станет
В брегах своих журчать,
Анюта не престанет
Любви к тебе питать».
Но ручеек все льется,
По камешкам шумит;
Жестокая ж смеется,
Не то уж говорит.
Любовны утешенья

Минутами летят,
Любовные мученья
Веками тяготят.

Однако указание Г. П. Макогоненко неточно. Песня была уже опубликована в 1793 г. в собрании стихотворений кн. Г. А. Хованского «Мое праздное время». «Ручеек» часто включался в песенники и входил, например, в знаменитый «Песенник» И. Герстенберга и Ф. Дитмара (1797), переизданный В. Вольманом в 1958 г. В примечании В. Вольмана как раз и указано авторство Хованского с уточнением, что автор музыки неизвестен.

На странице 24 выше указанного сборника Хованского находится романс «Ручей». Он почти дословно совпадает с уже знакомой песней «Ручеек». Вариант 1793 г. содержит некоторые интересные разночтения. В первую очередь, они касаются самого заглавия. Стоит обратить внимание на определение «романс». До сих пор считалось, что термин «романс» употреблен впервые в 1796 г. применительно к стихам Державина и Хованского, напечатанным на страницах «Музы» и «Аонид». Однако можно с уверенностью утверждать, что термин в русскую поэзию ввел Хованский.

Несмотря на ряд разночтений, текст не содержит особенно важных изменений на семантическом уровне.

В 1795 г. Хованский выпустил вторую книжку стихов под названием «Жертва Музам», где стихотворение было опубликовано под названием «Ручеек. Елегической Рондо» (с. 110—111). По сравнению с предыдущими, новая редакция представляет собой, так сказать, промежуточный этап. Во второй строфе, например, она то ближе к редакции 1793 г. («У быстрых этих вод»), то к редакции 1794 г. («А ныне день, как год»). В третьей строфе повторяется «Став ноньче жестока» 1793 г., а ниже «В брегах своих журчать <...> Любви к тебе питать» 1794 г.

Примечательно и новое изменение заглавия. Именно в эти годы Хованский пишет целый ряд стихотворений, отнесенных им к жанру романса. Среди них, например, «Намедни в рощице гуляя...», «Лейте, слезы вы ручьями!». В это же время поэт осваивает и жанр «рондо». Кроме нашего текста, к данному жанру относится стихотворение «Лети, мой вздох, лети к любезной» (Аониды. 1796. Июнь. С. 102—104).

В том же 1795 г. под названием «Ручеек» стихотворение появилось в песеннике «Эрато, или Приношение прекрасному полу на 1795 год». В 1797 г. оно печатается вместе с мелодией в уже упомянутом «Песеннике, или Полном собрании старых и новых песен» И. Герстенберга и Ф. Дитмара (здесь обнаружен вариант «тягощат» в первой строфе), в 1798 г. в сборнике «Весельчак на досуге» И. Ф. Львова.

Что касается музыки, как уточняет В. Вольман, песня принадлежит анонимному автору второй половины XVIII в. С этой точки зрения песня тесно связана с другой песней Хованского «Вся природа веселится», тоже включенной в «Песенник» и тоже публиковавшейся прежде в «Приятном и полезном препровождении времени» (1795 ч. 6.) и в сборнике «Жертва Музам» (под названием «Елегия на весну»).

Песня «Ручеек» была приписана И. И. Дмитриеву впервые А. Н. Неустроевым, очевидно, в связи с криптонимом «— въ», которым она подписана в «Приятном и полезном» Подпись «— въ» использовалась Дмитриевым, но также и другими авторами. Хованский обычно подписывался «Г. К. Х.». Возможно, подпись «— въ» была поставлена в журнале по ошибке. Но не исключено, что Дмитриев был соавтором Хованского или просто передал в журнал его песню (оба поэта были хорошо знакомы). Однако в следующем году Хованский опять включил песню в свой новый сборник, а в собрания сочинения Дмитриева она никогда не входила. Это служит веским доказательством в пользу авторства Хованского.

Кроме вышеуказанных сборников Хованский печатал свои стихи в разных журналах и альманахах 1790-х гг., главным образом в «Приятном и полезном...» и «Аонидах». Именно в первом он опубликовал свои знаменитые пени: «Ах, луга, луга, зеленые», «Вся природа веселится», «Я слышал в Москве пространной» и др. Его самая знаменитая песня «Незабудочки» долго бытовала в русских песенниках и проникла в фольклорную традицию.

Хотя Хованский писал в разных жанрах (оды, анакреонтические песни, драматургия, малые жанры), его наследие составляет главным образом любовная лирика, противостоящая поэзии классицизма. С этой точки зрения примечательна его песня «Пусть, кто хочет, пишет оды». По своей литературной позиции Хованский близок к Карамзину¹ и Дмитриеву. Поэтому атрибуция «Ручейка» Дмитриеву довольно естественна.

Хованский переводил и подражал французским авторам. Среди прочих он перевел отрывок «Заиры» Вольтера и несколько текстов Ж. П. К. Флориана (1755—1794). Песня «Ручеек» тоже связана с переводческой деятельностью поэта. Это относится прежде всего к куплету, который открывает и заключает рондо:

Любовны утешенья
Минутами летят,

¹ Карамзин оплакивал друга в стихах «На смерть князя Г. А. Хованского» (1796).

Любовные мученья
Веками тяготят.

Эти стихи являются вольным переложением первого двустишия популярной песенки И. П. Шварцендорфа (Дж. П. Мартини) на слова любимого автора Хованского Флориана:

Plaisir d'amour ne qu'un moment,
Chagrin d'amor dure toute la vie.²

О жизнеспособности данной традиции свидетельствует стихотворение М. Кузьмина «Любовные утхи» (1907) — стихи Флориана приведены в эпиграфе:

Любви утхи длятся миг единый,
Любви страданья длятся долгий век.³

Романс Хованского перекликается с песенкой Флориана и в других местах. Ср.: две строфы: «Ручей доколе станет <...> Не то уж говорит» и строфу Флориана: «*Tant que cette eau coulera doucement...*»

Текст песенки находится под явным влиянием известной арии из оперы П. Метастазियो «*Nitteti*» (1756):

Agli amanti infelici
Son secoli i momenti, e sono istanti
I lunghi giorni a'fortunatiamanti.⁴ («*Nitteti*, I,1)

Интересно, что двустишие второй строфы песенки Хованского: «Казался день минутой; А ныне день, как год» явно ближе итальянскому тексту, чем французскому.

Опера «*Nitteti*» пользовалась определенным успехом в России и в 1777 и 1780 гг. был дважды опубликован ее перевод в связи с постановкой известной оперы Паизиелло.⁵ Упомянутую арию из «Нитеты» часто печатали отдельно среди знаменитых изречений ита-

² «Удовольствие любви длится лишь мгновение, любовная печаль длится всю жизнь» (фр.).

³ Стихотворение Кузьмина, написанное к рассказу С. Ауслендера «Вечер у г-на де Севираж», позже вошло в сб. «Сети». Первое двустишие Кузьмин ввел в прозаический текст «Из писем девицы Клары Вальмон к Розали Тютель Майер» (1907).

⁴ Для тех, кто несчастлив в любви, мгновенья кажутся веками, а для тех, кто счастлив, долгие дни — мгновениями» (ит.).

⁵ В данных переводах текст переложен в сокращенном виде. Интересующий нас отрывок передан вкратце в прозе: «В объятиях пастушки своей считает он скоротечные часы». Метастазियो П. «Нитета». СПб., 1777. С. 5.

льянского поэта. Реминисценции из нее можно найти в русской поэзии второй половины XVIII в., например в песне М. Попова «Все, что сердце не терзало» (1768): «С ней минутами мне годы» или в стихотворении Остолопова «Маша, или Время всегда одно» (1804), где стихи Метастазियो взяты как эпиграф.

Естественно предположить, что песенка Хованского оригинальное смещение текста Флориана и Метастазियो. По этому поводу не безынтересно заметить, что и в другом стихотворении Хованского в жанре рондо «Лети, мой вздох, лети к любезной...» содержится далекая реминисценция из Метастазियो (ария «Placido zefiretto»).

В заключение стоит привести интересное свидетельство отношения Дмитриева к Метастазियो. В известных мемуарах С. П. Жихарева записано, что Дмитриев, как только узнал от Л. М. Максимовича, что Державин собирался писать оперу «вроде Метастазियो», ехидно заметил: «Разве вроде безобразия».⁶

⁶ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 93.